

А 247 1 анчен.
43а и
— и в ки.
4 и 37.

А 247
43а

с 43а Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

БѢЛОМОРЬЕ и СОЛОВКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ и РАЗСКАЗЫ.

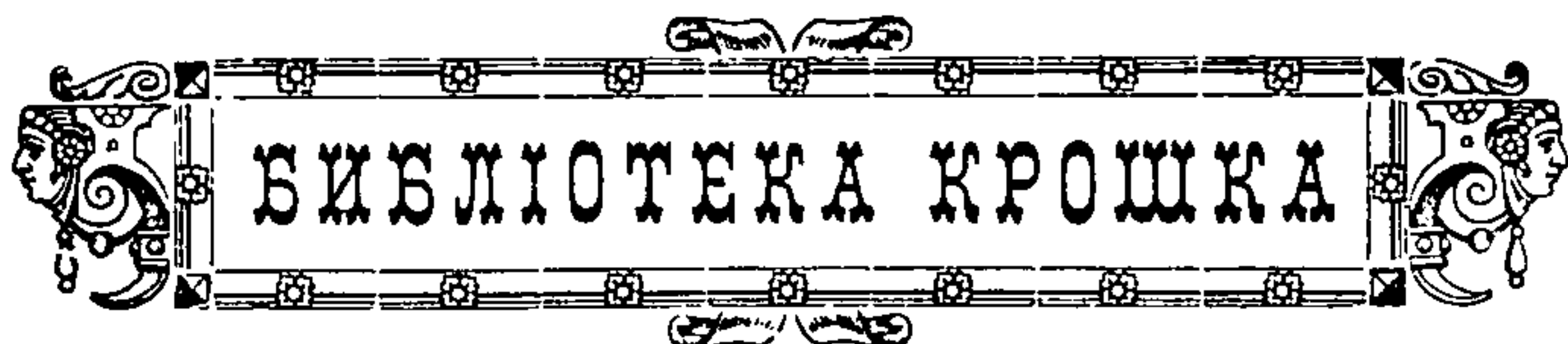
И з д а н і е 4 - е .

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ Ф. А. ЮГАНСОНА.

Уголъ Крещатика и Прорѣз-
ной ул., домъ Кирхгейма.

Подоль, Александровская ул.
домъ Рихерта.

ВЪ КІЕВѢ.

Роскошное и оригинальное изданіе, отпечатанное въ миниатюрномъ видѣ, величина книги одинъ вершокъ, и по изяществу своему можетъ служить прекраснымъ подаркомъ. Въ серію „Библиотеки Крошки“ вошли слѣдующія сочиненія:

1) Лермонтовъ. Демонъ . . . 10 к.	22) — О царѣ Солтанѣ . . .
2) — Бояринъ Орша . . . 10 „	23) — О работникѣ Балдѣ.
3) — Казначейша . . . 5 „	24) — Графъ Нулинъ. . . 5 „
4) — Мцыри . . . 5 „	25) — Мѣдный всадникъ . 5 „
5) — Пѣсня про купца	26) — Борисъ Годуновъ. . .
Калашникова. . . . 5 „	27) — Скупой рыцарь. . . 5 „
6) — Измаиль Бей. . . . 10 „	28) — Каменный гость . . .
7) — Ашикъ-Керибъ . . . 5 „	29) — Дубровский
8) — Ангелъ Смерти. . . 5 „	30) — Станціонный смот-
9) — Бала. 15 „	ритель
10) — Тамань 5 „	31) — Барышня-крестьянка.
11) — Княжна Мери . . . 15 „	32) Фонъ-Визинъ. Недо-
12) — Фатальность . . . 5 „	росль 15 „
13) — Маскарадъ. . . . 15 „	33) Котляревскій. На-
14) — Люди и Страсть . .	талка Полтавка. . . .
15) — Станный человѣкъ.	34) — Москаль чаривныкъ. 10 „
16) — Два брата	35) Козловъ. Чернецъ . . 5 „
17) — Литвинка	36) — Княгиня Долгорукова. 10 „
18) Пушкинъ. Пиковая	37) Гиѣдичъ. Рыбаки . . .
Дама 10 „	38) Грибоѣдовъ. Горе отъ ума 15 „
19) — Русланъ и Людмила .	39) Богдановичъ. Душенька.
20) — Кавказскій Пльщикъ. 10 „	40) Карамзинъ. Бѣдная
21) — Полтава 10 „	Лиза 5 „

В. РАДИЧЪ.

ВЪ ЧАДУ КУЛИСЪ.

РОМАНЪ

Кіевъ, 1892 года. Изящно отпечатанное изданіе. Цѣна 75 коп.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

БѢЛОМОРЬЕ и СОЛОВКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ и РАЗСКАЗЫ.

И з д а н і е

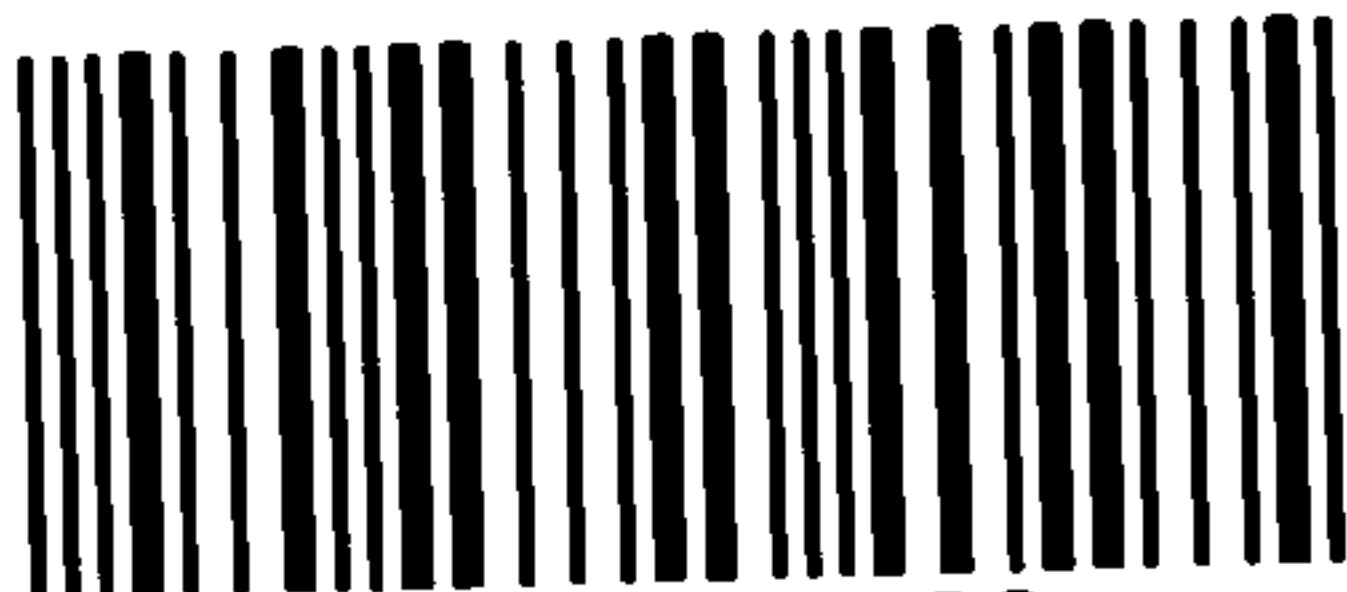

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ Ф. А. ЮГАНСОВА.

Уголъ Крещатика и Прорѣз-
ной ул., домъ Кирхгейма.

Подоль, Александровская ул.
домъ Рихерта.

ВЪ КІЕВѢ.

2007080030

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 Мая 1892 года.

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Мало-Житомирская ул., д. № 4.
1892.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БѢЛОМОРЬЕ. (Путь по Сѣверо-Двинскому краю).

	СТР.
I. Шенкурскій уѣздъ	3
II. Онежскій уѣздъ	19
III. Холмогорскій уѣздъ	29
IV. Отъ Холмогоръ до Архангельска	56
V. Архангельскъ	78
VI. Поѣздка на лѣсопильные заводы	140
VII. Упраздненная крѣпость	155
VIII. Поѣздка въ Лявлю и подгородныя села	166
XI. Соловецкое подворье	180

СОЛОВКИ. (Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами).

I. Пароходъ «Вѣра»	191
II. Отецъ Іоаннъ—командиръ парохода	194
III. На палубѣ	201
IV. Сибирячка	206
V. Монашекъ-подростокъ	209
VI. Казни египетскія	212
VII. Море	216
VIII. Вятскіе хлѣбонашцы	217
IX. Бродяжка	219
X. Острова	221
XI. Монастырь, Гостинница, Святое озеро	224
XII. Іеромонахъ-огородникъ	229
XIII. Кузница и горны	231
XIV. Монашеская школа	234
XV. Самородки	238

	СТР.
XVI Кожевня и кирпичный заводъ. Экономическое положеніе монастыря	242
XVII. Каналы, лѣса и дороги	248
XVIII. Отецъ Авраамъ	251
XIX. Соловецкая тюрьма и ея арестанты	257
XX. Въ трапезной	262
XXI. Поѣздка въ Муксальму. Гигантскій мостъ. Ферма	262
XXII. Доки и лѣсопильный заводъ	266
XXIII. У благочиннаго	274
XXIV. Могила Авраамія Палицына. Похороны богомольца	277
XXV. Въ больницѣ и у схимниковъ	284
XXVI. Мельница св. Филиппа. Прогулка по стѣнамъ. Въ башнѣ	288
XXVII. Поѣздка на Сѣкирную гору. Савватьевская пустынь. Сѣкирный скитъ. Еще разсказъ объ осадѣ. Видъ съ высоты. У строителя въ кельѣ	293
XXVIII. Еще нѣсколько подробностей	305
XXIX. Кемлянки въ монастырѣ. Чиновники. Отношеніе монаха къ властямъ	313
XXX. Поѣздка въ Макарьевскую пустынь	316
XXXI. Сельдяной ловъ	320
XXXII. Монастырскій садъ. Ризница. Оружейная	323
XXXIII. Шенкурскій хлѣбопашецъ въ рясѣ	228
XXXIV. Анзеры	331
XXXV. Послѣдніе часы въ монастырѣ	340
XXXVI. Въ каютѣ, на палубѣ и дома	343

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БѢЛОМОРЬЕ.

(ПУТЬ ПО СѢВЕРО-ДВИНСКОМУ КРАЮ).

I.

Шенкурскій уѣздъ.

Ясный, свѣжій денекъ охватилъ меня легкимъ холодомъ, когда я изъ малонаселенной и бѣдной Олонецкой губерніи вѣхалъ въ еще болѣе безлюдную, пустынную и скудную Архангельскую. Утренняя заря еще не отгорѣла на востокъ и густой, алый отсвѣтъ ея мягко ложился на волнистую линію сплошнаго сосноваго бора. Вершины его словно плавали въ цѣломъ морѣ розоваго сіянія. Дорога круто спускалась внизъ, въ темную долину, гдѣ еще лежала сырая мгла, клубясь и цѣпляясь, все выше и выше, по вѣтвямъ вѣковыхъ деревьевъ, зелень которыхъ кое-гдѣ подымалась изъ тумана, постоянно измѣнявшими свои формы, островками. Двѣ крайнія противоположныя части сѣвернаго пейзажа—ясная чистота совершенно розоваго воздуха вверху и мгlistая, волнующая поверхность его внизу—составляли чрезвычайно эффектную картину. Прибавьте къ этому крупные стволы сосенъ по обѣимъ сторонамъ дороги, безлюдье и тишину, характеризующую здѣшніе лѣса, и вы нѣсколько поймете мои впечатлѣнія. Всѣ промежутки между деревьями поросли мягкими подушка зеленаго мха, изрѣдка перемежающимися небольшими прогалинами уже пожелтѣвшей травы. Чѣмъ ниже спускался я, тѣмъ становилось глуше. На днѣ долинки дорога проходила чрезъ

болото, поросшее острыми и жесткими зелеными. Кое-гдѣ слышмслъ рокоть лѣсныхъ, болотныхъ ручьевъ, быстро сбѣгавшихъ по откосамъ. Ни пѣнія птицъ, ни стрекота кузнечиковъ! Пустыня и глушь давили меня словно желѣзными тисками. Мысль переставала работать, туманъ все гуще и гуще заволакивалъ окружающіе предметы. Глаза невольно смыкались. Въ самомъ низу, тамъ, гдѣ дорога круто сворачиваетъ направо, мнѣ встрѣтилось человѣкъ тридцать странниковъ—богомольцевъ. Бабы шли впереди, за ними тащились большаки и дѣти. Оказалось что эта партія направлялась изъ Соловокъ по домамъ. Многіе изъ мальчиковъ, въ качествѣ добровольныхъ тружениковъ, выжили въ монастырѣ, по обѣту родителей, цѣлый годъ, съ лѣта до лѣта. Они тамъ работаютъ на монастырскихъ заводахъ и мастерскихъ, за что ихъ кормятъ и одѣваютъ на счетъ обители. Такимъ образомъ, на зиму иногда, какъ говорятъ, скопляется въ обители до пятьсотъ даровыхъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ, «возлюбивъ пустынное житіе», остаются въ монастырѣ навсегда и съ радостію принимаютъ ангельскій чинъ, лишая свои семейства необходимыхъ для ихъ благосостоянія рабочихъ рукъ. Благодаря этому порядку, наличный составъ Соловецкаго монастыря не оскудѣваетъ; а сама обитель связывается съ отдаленнѣйшими уголками русскаго сѣвера кровными узами родства.

Богомольцы добродушно взглянули на меня и прошли дальше. Нѣкоторые попросили подаянія. Это были по преимуществу олончане. Типъ такъ и сказывался въ каждой чертѣ ихъ лица. Двое или трое пѣли по дорогѣ стихи духовнаго содержанія, вынесенные изъ монастыря; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ вѣроятно годовавшіе въ Соловкахъ, носили что-то въ родѣ подрясниковъ и скуфеекъ. Скоро странники скрылись и, съ поворотомъ лѣснаго пути, снова потянулася передо мною безлюдная, пустынная окрестность.

Прежде чѣмъ достигнуть цѣли моей поѣздки, Архангельска, этого коммерческаго и административнаго центра дальняго сѣвера, возбуждающихъ въ литературѣ

столько самыхъ противорѣчивыхъ толковъ, мнѣ пришлось проѣхать часть Шенкурскаго, Онежскаго и Холмогорскаго уѣздовъ. По пути я не велъ дневника, поэтому очеркъ всего этого промнжуточнаго скитальчества будетъ и не полонъ и общъ. Я описываю то немногое, что доступно туристу. Громадныя станціи, иныя по 30 верстъ безъ передышки, рѣдкіе поселки, совершенно особенный типъ и болѣе удобная постройка домовъ, чѣмъ я встрѣчалъ доселѣ, разомъ перенесли меня въ другой міръ. Прежде всего, меня поразилъ складъ здѣшняго крестьянскаго населенія. Передо мной были рослые, крѣпко сложенные, здоровые люди, съ открытыми, умными лицами, высокими лбами, широкою грудью и веселыми, честными, голубыми глазами. Красивыя фізіономіи женщинъ невольно останавливали на себѣ взглядъ. Что это за великолѣпныя груди! Какая здоровая стройность, какія классическія плечи! Жаль только, что дѣвушки, выходя замужъ, быстро тучнѣютъ и тогда уже поражаютъ совершенно противоположными достоинствами. Обиліе мяса и жиру дѣлаетъ ихъ, какъ напр. въ Поморье и Колѣ, чудищами весьма замѣчательнаго свойства. Объемъ ихъ приходится уже мѣрять чуть ли не обхватами. Вблизи городовъ типъ этотъ мельчаетъ и обезображивается какою-то пошлою, къ лакейству подходящей полировкой. Крестьянки являются уже въ нелѣпѣйшихъ кринолинахъ, иногда изъ обручей, городскія платья смѣняютъ сарафаны, а цивилизованная сельская молодежь, и въ ясные безоблачные дни, фигурируетъ въ гарустныхъ шарфахъ, калошахъ, съ дождевыми зонтиками въ рукахъ. Задушевные пѣсни, которыя, въ лѣтніе вечера, такъ сладко звучатъ оъ тихомъ деревенскомъ захолустьи, смѣняется гнуснѣйшею ерундой чувствительнаго характера, отъ которой такъ и несетъ ароматами городского холопства.

Въ мѣстномъ типѣ осязательно сказался результатъ скрещиванія между различными племенами. Первоначальные поселники этого края—смѣлые новгородскіе промышленники—ушкуйники, одинаково занимавшіеся тор-

говлей и войной, рыболовствомъ и грабежемъ—перебили аборигеновъ этого края, лопарей, корель и прочія племена финновъ, оставивъ только женщинъ и дѣвушекъ, обращавшихся, по обыкновенію того времени, въ теремное рабство. Выраженіе лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ первыхъ же селахъ Архангельской губерніи, дышало смѣлостію и энергіей. Человѣкъ, даже и не знакомый съ исторіей Двинскаго края, по одному этому признаку, сразу сообразилъ-бы, что крѣпостнаго права здѣсь не существовало никогда. Встрѣчающіеся вамъ на пути крестьяне не ломаютъ раболѣпно шапокъ, а кланяются путнику, какъ Божьему гостю, съ сановитою важностью. Вступая съ вами въ разговоръ, они не станутъ пересыпать свою рѣчь «благородіями», «высокоблагородіями», а говорятъ просто, сжато и съ достоинствомъ. Назойливости, навязчивости вы не замѣтите вовсе. Тутъ человѣкъ знаетъ себѣ цѣну и привыкъ относиться къ собственной личности съ полнымъ уваженіемъ.

Дома въ селеніяхъ, по крайней мѣрѣ, вдоль по почтовому тракту, выведены въ два этажа и построены благодаря обилію лѣса, на широкую ногу. Верхнія свѣтлицы, во многихъ селахъ, хорошо отштукатурены, а полъ въ нихъ окрашенъ масляной краской. Въ нихъ не рѣдкость встрѣтить и зеркало, и кое какую мебель, и картинки не суздальскаго производства. Это навѣрное—избы, принадлежащія тѣмъ крестьянамъ, которые, вслѣдствіе родной своей безкормилицы, привыкли искать работы въ петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ, сплошь состоящихъ изъ архангелогородцевъ. Нижнія свѣтлицы представляютъ обыкновенную картину будничнаго сельскаго обихода. Здѣсь живутъ, умираютъ, плодятся и множатся, оставляя верхи для разнаго рода парадныхъ и праздничныхъ случаевъ. Необыкновенная опрятность здѣшнихъ крестьянъ поразить, прежде всего, туриста, привыкшаго къ крестьянской грязи и неряшеству. Эту чистоту архангелогородцы всюду вносятъ съ собою. Такъ, еще Сперанскій, осматривая Сибирь, замѣтилъ, что «ростъ и опрятность въ жизни барабинскихъ крестьянъ прои-

зошли отъ архангелогородцевъ, первыхъ здѣшнихъ промышленниковъ».

Здѣсь меня поразила еще особенность чисто мѣстная: мужчины въ деревняхъ встрѣчались очень рѣдко. Они или уходятъ на отхожіе промыслы въ самые отдаленные уголки Россіи, или промысляютъ звѣря въ лѣсу, въ морѣ, или ловятъ рыбу по рѣчному и морскимъ побережьямъ. Женщины, оставаясь однѣ, пашутъ землю, косятъ, жнутъ. Онѣ же справляютъ натуральную земскую повинность, напр., ѣздятъ въ качествѣ ямщиковъ, по почтовому тракту, а прежде бывало весьма часто, что бойкая бабенка наряжалась вмѣсто конвоя, для препровожденія трехъ или четырехъ арестантовъ, причемъ случаи побѣговъ были весьма рѣдки.

Въ первомъ же селѣ, гдѣ мнѣ привелось остановиться, я узналъ и оборотную сторону медали. Нельзя было купить ни хлѣба, потому что его мало было и для мѣстнаго потребленія, ни яицъ, ни масла; о говядинѣ и говорить нечего. Принесли было мнѣ соленую треску, которою питается здѣсь народъ, но, вѣроятно, вслѣдствіе непривычки, одинъ запахъ этой милой рыбы чуть не выгналъ меня изъ комнаты. Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ возможность видѣть—какъ ѣстъ зажиточная архангельская семья. На столъ поставили крынку съ солеными волнухами (грибы), холодную соленую треску, молоко и хлѣбъ изъ ячменя или жита, который вкусенъ до тѣхъ поръ, пока онъ горячъ. Ячмень въ Архангельской губерніи вообще сѣется предпочтительнѣй передъ рожью, потому что онъ лучше выносить и суровость климата, и переменны погоды, и холодные, сѣверные вѣтры. До чего дорожатъ здѣсь хлѣбомъ, видно изъ того, что въ деревнѣ Сельцы мнѣ едва уступили за 20 к. небольшую ковригу. фунта въ три. Къ обѣду богатые крестьяне къ поименованнымъ уже предметамъ прибавляютъ толокенную кашу, т. е. разваренную въ водѣ овсяную муку съ масломъ, остальные—морошку. Собственно питательностію здѣсь отличается одна треска, которой въ губерніи потребляется до 400,000 пудовъ. Эта рыба (*hadus mor-*

rhua) тотъ же хлѣбъ для сѣвера. Мѣста ея лова, на языкѣ кемскихъ промышленниковъ, такъ и называются—нивами. Вонючая, соленая, она, по обилію азотистыхъ веществъ, оказывается необыкновенно полезной для поддержанія въ организмѣ животной теплоты. Ее ѣдятъ холодной, горячей, нѣкоторые же (это уже антропофаги) пожираютъ сырою. Треску запекаютъ въ тѣсто, готовятъ съ масломъ, картофелемъ и яйцами. Короче, это продуктъ, безъ котораго не обходится ни одинъ обѣдъ сѣвера, начиная съ крупныхъ купцовъ и важныхъ архангельскихъ чиновниковъ и кончая бѣднѣйшими рабочими. Еще недавно, по цѣнѣ своей, она была доступна для всѣхъ. Фунтъ ея стоилъ 1½ коп. Теперь эта цифра поднялась до 3 коп. и небогатые мѣщане замѣняютъ ее другими рыбами того же тресковаго свойства: пикшею, сайдой, зубаткой, вкусъ которыхъ, для непривыкшаго, одинаково отвратителенъ, а запахъ еще хуже. Вообще архангельская кухня требуетъ нѣкотораго навыка и акклиматизироваться здѣсь всѣго труднѣе, именно потому, что усвоить себѣ мѣстную пищу, въ непродолжительное время, нѣтъ никакой возможности. Свѣжей трески здѣсь не бываетъ вовсе, такъ какъ, по крайней нѣжности своей, она можетъ быть перевозима съ мѣста лова на рынки, лишь просоленная или сушеная. Лучшая сушеная треска отправляется въ Петербургъ и на мѣстѣ ея добыванія остается весьма рѣдко. Мяса крестьяне не видятъ круглый годъ, за исключеніемъ ближайшихъ къ Архангельску селъ. Мѣстная скотина или гонится въ Петербургъ и Москву въ продажу, или же, если она мелкоросла, то бьется на солонину, которую отвозятъ туда же. Благодаря трескѣ, губернія не чувствуетъ потребности въ мясѣ. Самые зажиточные изъ крестьянъ бьютъ по праздникамъ барановъ и потребляютъ ихъ миктоскопическими порціями. Гнилой, отвратительный запахъ соленой трески до того притупилъ нервы сѣверянина, что мнѣ удавалось по дорогѣ видѣть людей, которые съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли позеленѣвшую, вонючую говядину, уже разлагавшуюся и кишевшую червями.